

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова)

Федора Орлов

**Сократ. Его жизнь и
философская деятельность**

«Public Domain»

Орлов Ф. А.

Сократ. Его жизнь и философская деятельность / Ф. А. Орлов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова))

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ГЛАВА I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Е. Н. Орлов
Сократ. Его жизнь и
философская деятельность

*Биографический очерк Е. Н. Орлова
С изображением бюста Сократа*

ГЛАВА I

Место Сократа в ряду великих личностей истории. – Его рождение и первоначальное образование. – Общественные влияния – политические и эстетические. – Вступление на философское поприще. – Его бедность и отношение к вопросу о насущном хлебе. – Его жена и отношение ее к Сократу. – Взгляд философа на софистов и денежные отношения между учителем и учениками. – Сенсационная внешность и манеры Сократа. – Обаяние его речей и личности. – Интеллектуальные его особенности. – Нравственные качества. – Довольствование малым и отсутствие аскетизма. – Взгляд на наслаждения и страдания. – Самообладание. – Мужество. – Цельность и исключительность его натуры. – Его “демон”

Среди всех великих личностей, которыми так богата была древняя Греция, вряд ли найдется одна, чье имя было бы более популярно, нежели имя Сократа. Почти 23 века промчалось с того момента, когда в тюремной келье, чуть-чуть озаренной догорающими лучами солнца, скончался афинский мудрец, ясный и спокойный, как летний вечер. Человечество с тех пор успело пройти длинный и тернистый путь, полный борьбы и увлечений, горя и радостей, поражений и торжества. Народы приходили и уходили, государства слагались и разрушались, и новые идеалы и новые интересы сменялись как в калейдоскопе, то появляясь на горизонте исторической жизни, то исчезая во мраке прошлого. Но ни эта бесконечная смена событий, ни даже вся длинная вереница великих мыслителей и поэтов, ученых и художников, общественных деятелей и моралистов, царивших над умами целых поколений, не могли ни на минуту заслонить от взоров человечества удивительный образ Сократа. Беспрецедентная чистота его нравственного облика, чисто эллинское единство его учения и жизни и полная гармоничность его поступков с мотивами, – все это сплетается в нем в одно неразрывное целое, подобно тем многообразным цветам, которые составляют солнечный луч. Биография, конечно, не панегирик, и действительно, нам придется указать на некоторые крупные недостатки в его учении и мирозерцании; но мы напрасно стали бы искать во всей галерее замечательных личностей истории другую, которая в нравственном отношении была бы так совершенна, как Сократ.

Сократ был сын Софрониска, бедного афинского ремесленника-ваятеля, и Фэнареты, повивальной бабки, которая была уже раз замужем до того и имела от первого брака сына Патрокла. Предание, в правдивости которого у нас нет основания сомневаться, уверяет нас, что род Софрониска был весьма древний и знатный и восходил к Дедалу, которому греческая мифология приписывала утверждение в Афинах различных искусств и ремесел и чей сын Икар сделал безумную попытку подняться на восковых крыльях к солнцу и стал через это олицетворением тщеты человеческих стремлений к божественному идеалу. Что Сократ родился в Афинах, – в этом нет никакого сомнения; но сам год рождения его до сих пор остался невыясненным. Одни полагают, что он увидел свет в 471 году до Р. Х., другие, – что в 469 году, а третьи утверждают даже, что в 468-м. Вторая из этих дат, однако, наиболее вероятна, так как в своей речи на суде, то есть в 399 году, Сократ, если верить Платону, заявлял, что он – 70-летний старик. Вообще же, первая половина его жизни – до вступления на поприще философской деятельности – нам мало известна, и только при помощи посторонних данных мы в состоянии кое-как дополнить наши скудные сведения об этом периоде Сократовой жизни. Так, например, мы почти ничего не знаем из того, чему и как он учился: мы лишь можем делать некоторые догадки на основании дошедших до нас сведений о положении образования в древних Афинах вообще. Семи лет, вероятно, он стал посещать школу, так как начальное образование было тогда для всех обязательное и начиналось именно с этого возраста. Из истории Греции мы знаем, чему там учились: чтение, письмо и немного арифметики составляли единственные

научные предметы тогдашних школьных программ; ни языки, ни география, ни история, ни естествознание, ни другие подобные отрасли знания, входящие в круг современного образования, тогда еще не существовали, а потому не могли и преподаваться. Вместо этого греческие мальчики и юноши обучались двум вещам, теперь почти совершенно изгнанным из программ наших общеобразовательных учебных заведений, – а именно: гимнастике и музыке. Древние общины не знали ни постоянных армий, ни подразделения народа на сословия гражданское и военное. Каждый член их так же свободно владел мечом или луком, как и плугом, и должен был ежеминутно быть наготове выступить в поход и защищать свое отечество с оружием в руках. Телесные упражнения поэтому везде в Древнем мире играли большую роль: это был предмет государственной необходимости; но еще большую роль они играли в Греции, – Спарте и Афинах, – где военное дело было поднято до степени искусства. Малочисленные, но стройные и дисциплинированные армии этих городов разбили наголову несметные, но дикие полчища персов, и этим они немало были обязаны своей научной системе гимнастики.

Музыка также имела значение более широкое, нежели теперь: она была не только одним из изящных искусств, способствующих всестороннему культурному развитию личности, но и учреждением общественной важности. Она была тесно связана со всей религиозно-нравственной системой, на которой покоилось греческое общество, и под ней подразумевалось не только пение и игра на инструменте, но и чтение и заучивание наизусть стихов из национальных поэтов, таких, как Гомер и Гесиод, – этих несокрушимых и чуть ли не главных авторитетов в области религии и морали. В сферу музыки входила также и пляска, которою сопровождались религиозные и другие процессии, занимавшие столь важное место в общественной жизни Греции.

Всему этому, стало быть, должен был обучаться и Сократ, но, конечно, было бы печально, если бы образование его ограничилось одним этим. Плутарх, – или, скорее, псевдо-Плутарх – передает нам, что богатый Критон, впоследствии ученик и друг Сократа, встретившись с последним, тогда еще юношей, был так поражен его умом и дарованиями, что взял его из отцовской мастерской и послал за свой счет к лучшим учителям того времени. Достоверность этого рассказа, по хронологическим и другим соображениям, справедливо оспаривается; но тот факт, что Сократ еще в юные годы ходил слушать выдающихся философов и изучать под их руководством все высшие области тогдашнего знания, весьма вероятен. Он был довольно хорошо знаком с геометрией и астрономией и имел сносные знания по философии в системах Парменида, Гераклита, Демокрита, Анаксагора и Эмпедокла. Предпоследний даже, говорят, был его учителем, но насколько это верно, мы не беремся судить. Во всяком случае, ни этот философ, ни другие не сыграли в развитии Сократа большой роли. Греческая жизнь, как мы это увидим ниже, уже оставила далеко позади космофизические умозрения старых мыслителей, и Сократ напрасно искал у них ответа на возникшие в его голове вопросы. Он не нашел удовлетворения ни в одной из существовавших тогда школ и одинаково отрицательно относился и к Гераклиту, и к Демокриту, и к Пармениду, и к Эмпедоклу, считая их всех мечтателями, даром потратившими свои силы на предметы, недоступные нашему познанию и маловажные по своему практическому значению. Сократа воспитала сама жизнь: это была та школа, которая заменила ему всякую теоретическую подготовку и умственную дисциплину, столь важные в большинстве других случаев. То был один из самых замечательных моментов в истории европейского человечества. Персидские войны только что окончились, и Восток отступил перед объединенными силами Эллады, тогда впервые сознавшей свое расовое единство и общность своей культуры. Громадный подъем национального духа был непосредственным результатом этого создания, и одновременно с коренным переворотом в области экономических, политических и нравственных отношений страны последовал тот взрыв благороднейших эмоций и идей, который вызвал в свет беспримерный в истории расцвет поэзии и искусства во всех их формах. Читатель, любопытствующий поближе познакомиться с этой замечательной эпохой, дол-

жен обратиться к всеобщим историям Греции; здесь же мы можем лишь указать на те черты в условиях жизни того времени, которые не могли не иметь громадного *воспитательного* значения для развития Сократовой личности. Она стала слагаться в период, непосредственно следовавший за периодом освободительных войн: победоносный отголосок их не успел еще умолкнуть, и на подмостках жизни все еще подвизались герои незабвенных Марафона и Саламина. Афинам, родине Сократа, суждено было принять особенно деятельное участие в борьбе за национальное существование, и на них-то поэтому с наибольшей силой отразились все перемены, теперь происшедшие. Они достигли кульминационного пункта в своем политическом и гражданском развитии: все политическое здание сверху донизу было перестроено согласно требованиям новой жизни. За каждым свободным членом афинской общины был обеспечен максимум прав личных и гражданских, и, что не менее важно, пользование этими правами вменялось общественным мнением в обязанность каждому. Древние общества не знали принципа представительства, а считали за необходимое условие нормальной политической жизни и за единственную гарантию своей свободы личное участие граждан в отправлении политических функций. Сам державный народ в своей коллективной личности являлся законодателем, судьей и администратором, и нигде теория не реализовалась с большей полнотой, чем в Афинах. Народное собрание – агора – было высшим политическим органом страны: оно избирало должностных лиц, обсуждало внешнюю и внутреннюю политику, постановляло бюджет, издавало законы, отправляло правосудие и имело верховный надзор за администрацией, религией и общественной нравственностью. Такого рода политическая жизнь, естественно, являлась могучим фактором в развитии не только общественных инстинктов, но и целого ряда моральных и интеллектуальных качеств, вырастающих лишь на почве свободных гражданских отношений.

Но и помимо социальных влияний, афинская жизнь представляла столько стимулов, как ни одна историческая обстановка другого какого-нибудь народа. Эллинская культура достигла своего зенита. Искусство – пластика, живопись, поэзия и драма – сбросило стеснявшие его архаические формы и условности и предстало во всей красоте и грации идеализированной природы. Акрополь украсился благороднейшими произведениями человеческого гения в области архитектуры и скульптуры, а на подмостках народных театров происходили музыкальные и поэтические состязания и ставились бессмертные драмы Эсхила и Софокла. На площадях, рынках и улицах, под величественными портиками или под открытым небом, сверкающим южной синевой, собирались группы горожан и раздавались оживленные и меткие разговоры о высочайших проблемах жизни и искусства. Все кипело избытком сил, интеллектуальных и физических, идеи сталкивались и скрещивались, мнения сходились и шлифовались, и вся духовная жизнь билась ускоренным и горячим пульсом.

В такой среде вырос Сократ, и можно смело утверждать, что лучшей воспитательной обстановки было бы трудно желать. Он унаследовал от отца его ремесло, и вплоть до II века Р. Х. по дороге к Акрополю иностранцам показывали группу одетых в покрывала Харит (граций), которая приписывалась Сократу. У нас, в настоящее время, нет никакой возможности решить, в самом ли деле эта группа была его работой, но мы тем не менее вправе усомниться в этом, встречая многочисленные заверения, что он оставил свое ремесло рано и, по-видимому, никогда не чувствовал большой любви к нему. Что заставило его решиться на этот шаг, мы также не знаем. Сомнительные авторитеты передают, что 25 лет от роду он встретил Протагора, знаменитого философа того времени, который своими речами и идеями произвел такое сильное впечатление на его восприимчивую натуру, что Сократ решил посвятить себя исключительно философии. Особенно невероятного в этом ничего нет, как нет его в другом предании, приписывающем решающее значение для мысли Сократа встрече его с Аспазией. Мы можем лишь оспаривать – что мы и делаем – факт *личного* влияния этих выдающихся фигур на Сократово мирозерцание и судьбу, но никак не их посредствующую роль в качестве предста-

вителей и основателей особых течений в афинской жизни и мысли той эпохи. Как мы это увидим ниже, Сократова философия была законным детищем своего времени, а потому являлась крестницей и Протагора, и Аспазии, и Продикка, и многих других великих деятелей, которым Сократ мог быть обязан своим развитием и без личного знакомства с ними. Как бы то ни было, Сократ довольно рано почувствовал стремление к философской деятельности, но только после долгой, почти 15-летней работы мысли, – о которой, к сожалению, до нас не дошло никаких сведений, – он решился вступить на публичное поприще в качестве учителя философии. Это не значит, конечно, что все эти годы он провел в совершенном уединении и неизвестности, разрабатывая свое мирозерцание, а затем, подобно Афине-Палладе, выскочившей в полном вооружении из головы Зевса, явился в одно прекрасное утро на городскую агору с готовою и стройною системою идей. Дело, вероятно, обстояло так, что, не бросая еще своей профессии, он все больше и чаще занимался проблемами философии, то раздумывая над ними за работою, то в свободное время делясь своими мыслями с друзьями. Так дело продолжалось, быть может, целые годы, но по мере того, как взгляды его прояснялись и определялись, подобно очертаниям материка среди спадающей воды, он все чаще осмеливался выходить на площадь, затрагивать разглагольствующих там раторов, диспутировать с ними и излагать свои мнения, свои идеи. Он все яснее и яснее начинал сознавать свое превосходство над соперниками, успех стимулировал его мысль и рвение, он становился популярен, его окружала толпа, – и, наконец бросив окончательно свое ремесло, он совершенно отдается своей новой деятельности. С тех пор он уже более не принадлежит себе, и к 430-му году, когда Сократу было уже около 40 лет, мы застаем его на том посту, на котором он геройски простоял до самого момента своей смерти. Во имя этой деятельности он забыл все и вся: и семью, и заботу о насущном хлебе, и ремесло, и политику. Он был беден: предание о том, что отец оставил ему землю и 80 мин деньгами (мина – 40 руб.), которые он отдавал в рост, мы можем, не колеблясь, причислить к клевете, которую так усердно распространяли после его смерти эпикурейцы и другие философские и политические его противники. Мы имеем точное свидетельство Ксенофонта, человека, который особенно близко стоял к философу, что все его имущество, недвижимое и движимое, вряд ли стоило больше пяти мин; да и сам Сократ с трогательной простотою заявляет на суде: “Моя работа так поглощает меня, что у меня нет времени ни заниматься вопросами политики, ни заботиться о своем материальном благосостоянии. Я – нищий благодаря моей покорности велениям Божества”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.